

Статуя Шестого Далай-ламы. Фото М. Аруса

ཚངས་དབྱངས་རྒྱ་མཚོ་འི་རྣམ་ཐར་རྣམ་འགྲུག་ལས་ཀྱིས་བཀོད་པ་ཅེས་བྱ་བ་བཞུགས་སོ།།

Песни Шестого Далай-ламы

**Жизнеописание Цаньянг Гьяцо,
составленное из стихотворных отрывков**

*(Tshangs dbyangs rgya mtsho'i rnam thar snyan
'grugs kyis bkod pa ces bya ba bzhugs so)*

Перевод с тибетского, предисловие
и приложение А. В. Зорина

 **Открытый
мир**
Москва, 2007

УДК 821.58
ББК 84(5Кит)
Д15

Перевод с тибетского,
предисловие и приложение *А. В. Зорина*

Далай-лама Шестой
Д15 **Песни Шестого Далай-ламы**, жизнеописание Цаньянг
Гьяцо, составленное из стихотворных отрывков, перевод
с тибетского, предисловие и приложение *А. В. Зорина*. – М. :
Открытый Мир, 2007. – 224 с. – («Самадхи»).

ISBN 978-5-9743-0083-7

Шестой Далай-лама Цаньянг Гьяцо (1683–1706) – едва ли не единственный представитель тибетской литературы, чьи произведения относятся к светской, а не религиозной сфере. Его песни, созданные на манер народных песен *шей* (четверостишия, состоящие из шестисложников), по сей день остаются любимыми среди тибетцев.

Предлагаемый перевод, сопровождаемый текстом на тибетском языке, впервые в отечественной практике преследует задачу максимально полно передать особенности тибетского поэтического текста.

В предисловии представлен новый взгляд на композицию сборника, который рассматривается как своего рода жизнеописание поэта, составленное из его песен.

Книга снабжена приложением, состоящим из критического текста, подстрочников и глоссариев к каждой из песен сборника.

УДК 821.58
ББК 84(5Кит)

© А. В. Зорин, перевод, предисловие
и приложение, 2006

ISBN 978-5-9743-0083-7 © ООО «Открытый Мир», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

5

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЦАНЬЯНГ ГЬЯЦО, СОСТАВЛЕННОЕ ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ОТРЫВКОВ

24

ДОПОЛНЕНИЕ

145

ПРИЛОЖЕНИЕ

163

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как это часто бывает с подлинными поэтами, судьба и личность Шестого Далай-ламы, известного под именем Цаньянг¹ Гьяцо (1683–1706), чье творчество легло в основу предлагаемой книги, составляют загадку и бесконечную тему для научных дискуссий и гипотез. В то же время это одна из наиболее трагических фигур как в истории мировой литературы, так и в истории Тибета. Буддийский иерарх, который не соблюдал обетов, приличествующих положению духовного главы Тибета, поэт, любитель вина и женщин, чьи песни прочно вошли в тибетскую народную культуру, политический деятель, который, впрочем, не был хозяином даже собственной судьбы, не говоря уже о судьбах своей родины и соседних стран, в зоне влияния которых находился Тибет в конце XVII – начале XVIII в., – таким обычно рисуется образ Цаньянг Гьяцо. Поскольку в его творчестве

¹ В книге использована орфография, принятая в издательстве «Открытый Мир» для передачи тибетских имён и несколько расходящаяся с авторской.

тесно переплетаются все эти темы, нельзя не остановиться, хотя бы кратко, на обстоятельствах жизни Шестого Далай-ламы².

Одной из характерных особенностей тибетского буддизма является институт тулку (лам-перевоплощений), частным проявлением которого является и линия перевоплощений далай-лам. Считается, что после смерти того или иного ламы он обретает новое воплощение (тиб. *тулку*, санскр. *нирманакая*), чтобы продолжить деятельность по принесению пользы живым существам. Таким образом, Шестой Далай-лама должен рассматриваться как перевоплощение предыдущего Далай-ламы, так называемого «Великого Пятого» – Лобсанг Гьяцо (1617–1682).

Пятому Далай-ламе удалось всемерно укрепить позиции своей школы (гелуг)³ и утвердить себя (и своих преемников-перерожденцев) в роли духовного и светского главы Тибета. Ближайшим его помощником стал талантливый мирянин Сангье

Гьяцо (1653–1705), в руках которого постепенно сконцентрировалась вся полнота власти, а сам он получил официальный статус регента. Последние годы жизни Пятый Далай-лама провёл в уединении в своём дворце Потала, расположенном в столице Тибета Лхасе. Это позволило Сангье Гьяцо скрыть факт его смерти в 1682 г. и более 16 лет править Тибетом от лица якобы ушедшего от мирских дел Далай-ламы. Когда данное обстоятельство стало достоянием гласности, Сангье Гьяцо пришлось предъявить его перевоплощение – мальчика, родившегося в 1683 г. в области Мон и, по утверждению регента, обладавшего всеми необходимыми признаками, в частности, опознавшего личные вещи Пятого Далай-ламы. В 1697 г. мальчик был официально объявлен Шестым Далай-ламой и посвящён в монашеское звание гецула.

Вскоре, однако, выяснилось, что новоявленный иерарх отличается наклонностями, не вполне соответствующими его высокому духовному статусу. Он предпочитал шёлковые одежды и длинные волосы скромному внешнему облику монаха, стрелял из лука, пил вино и имел многочисленных любовниц. Долго утаивать это было невозможно, и поползли слухи о «лже-Далай-ламе», особенно усилившиеся после отказа Цаньянг Гьяцо принять полные монашеские обеты. К его несчастью, в это время обострилась и политическая

² Более подробные сведения о жизни Цаньянг Гьяцо см. в кн.: Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха / Издание текста, перевод с тибетского, исследование и комментарий Л. С. Савицкого. М.: «Наука», ГРВЛ, 1983 («Памятники письменности Востока», LXXI). Научно-популярное изложение истории Цаньянг Гьяцо см. в кн.: Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны снегов. М. «Наука», ГРВЛ, 1975; Второе издание. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2006.

³ Одна из четырёх основных школ тибетского буддизма.

борьба между Сангье Гьяцо и военным покровителем Тибета монгольским ханом Лхавзаном, в результате которой регент в 1705 г. был убит, а летом следующего года Цаньянг Гьяцо по приказу маньчжурского императора Китая Канси был арестован и отправлен в Пекин под монгольским конвоем. Однако ему не суждено было прибыть на место назначения. 14 ноября 1706 г., по официальной китайской версии, опальный иерарх скончался от болезни в районе озера Кукунор. Среди тибетцев поползли слухи об убийстве Цаньянг Гьяцо. А ещё позднее появилась версия о том, что он остался жив, поселившись среди монголов области Алашань, где и скончался в 1746 г.⁴

⁴ Эта легенда легла в основу так называемой «Тайной биографии Цаньянг Гьяцо», написанной алашаньским монголом Дарджай Номун-ханом в 1757 г. Этим памятником занимается английский исследователь С. Уикем-Смит. История, рассказанная Дарджай Номун-ханом, использована также монгольским историком Дхарматалой второй половины XIX в. Перевод и исследование этой части его истории буддизма в Монголии представлен в кн.: *The Secret Deliverance of the Sixth Dalai Lama as Narrated by Dharmatāla / Edited from the Hor chos-'byung by Dharmatāla and translated into English, with an Introduction and Comments by P. Klafkowsky*. Wien, 1979. По-видимому, следует считать доказанным, что в данном случае мы имеем дело с самозванцем, действовавшим под именем Цаньянг Гьяцо. См. кн.: *Aris M. Hidden Treasures and Secret Lives. A Study of Pemalingpa (1450–1521) and the Sixth Dalai Lama (1683–1706) / Shimla, Indian Institute of Advanced Study and Delhi, Motilal Banarsidass, 1988.*

Какова бы ни была его судьба после ареста, дошедший до нас сборник песен Цаньянг Гьяцо касается только периода, проведённого им в Лхасе в ранге высшего духовного иерарха Тибета. В этих песнях отразились все те обстоятельства, которые определили трагическую участь поэта, а их основными мотивами являются неразделённая или тайная страсть, необходимость вести тайную ночную жизнь, чувство усталости и обиды (прежде всего на регента, которому поэт был обязан как высоким положением, так и мучительными противоречиями своего существования). По крайней мере, так обычно трактуется содержание творчества Шестого Далай-ламы в мировой науке. В то же время нельзя сбрасывать со счетов традиционную тибетскую точку зрения, согласно которой Цаньянг Гьяцо был подлинным воплощением Пятого Далай-ламы, а его сомнительные внешне увлечения объясняются следованием тантрическому пути⁵. Если эту точку зрения трудно как доказать, так и опровергнуть⁶, то позиция современных исследователей Сяо Дияня и Чаппел Цетен Пунцока, тол-

⁵ В качестве параллели можно вспомнить истории знаменитых индийских махасидхов, чья внешность и поступки также вызвали недоумение у окружающих, в то время как в действительности это были признаки высоких духовных свершений.

⁶ Ср. со схожей трактовкой поэзии Омара Хайяма в русле суфизма.

кующих песни Цаньянг Гьяцо как описание (подчас сатирическое) политических коллизий вокруг его персоны, представляется надуманной⁷.

На мой взгляд, ключ к пониманию сборника песен следует искать в самой его структуре, при этом опорой должно служить единственное известное и текстологически достоверное издание сборника, образцы которого хранятся, в частности, в коллекции восточных рукописей и документов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Речь идёт о ксилографе и рукописи, отражающих одну редакцию текста и опубликованных Л. С. Савицким факсимильным способом в его монографии 1983 г.⁸ По мнению Л. С. Савицкого, ксилограф мог быть напечатан с досок, вырезанных в Лхасе «не позднее конца XVIII и начала XIX в.»⁹, а рукопись написана «в пределах последней четверти XIX и первой четверти XX в. с вероятным расхождением в 10–15 лет»¹⁰. Ксилограф, идентичный петербургскому,

имеется также в Японии¹¹. Все прочие издания сборника, перечисленные в монографии П. Сёрнсена¹², по-видимому, являются поздними компиляциями и, во всяком случае, не имеют текстологической базы в виде ксилографа.

Итак, если принять за основу текст ксилографа, отпечатанного в Лхасе, то в нашем распоряжении окажется 58 песен, созданных в манере народных песен *шей* – четверостиший, реже шестистиший, состоящих из шестисложников. Этим они отличаются от книжной поэзии, чьи традиционные размеры предполагают нечётное количество слогов. Как и любое тибетское сочинение, данный сборник имеет название, на формулировку которого исследователи обычно не обращали должного внимания¹³. В то же время она чрезвычайно важна для понимания структуры сборника. Название «Жизнеописание Цаньянг Гьяцо, составленное из стихотворных отрывков» недвусмысленно определяет жанр сочинения как биографию (тиб. *намтар*). Но никто до сих пор не пытался прочитать текст ксилографа именно как описание жизни Цаньянг Гьяцо, хотя, например,

⁷ Данные авторы обильно цитируются П. Сёрнсенем (S rensen P. Divinity Secularized. An Inquiry Into the Nature and Form of the Songs Ascribed to the Sixth Dalai Lama Wien 1990 (Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde, Heft 25).

⁸ Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха... С. 181–200. Шифр ксилографа в собрании СПбФ ИВ РАН – В9911/10. Кроме того, имеется ещё как минимум 2 экземпляра данного ксилографа, шифры – А-2477/3 и А-1205/4.

⁹ Ibid. С. 103.

¹⁰ Ibid. С. 104.

¹¹ Yamaguchi. Catalogue of the Toyo Bunko Collection of Tibetan Works on History. No 450–2789.

¹² S rensen P. Divinity Secularized... С. 33–41.

¹³ См., например, Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха... С. 10.

заключительные песни сборника очевидным образом повествуют о трагической развязке его судьбы, и это не могло не быть отмечено¹⁴.

В этих песнях достигают кульминации трагические ноты, звучащие на протяжении всего сборника. Необходимость скрывать свои ночные похождения и страх того, что они будут раскрыты (песня 52-я), реализация этого страха (53-я) и осознание трагической раздвоенности социальной роли и душевных склонностей героя (54-я), опасение обмана со стороны любимой (55-я), наконец расставание с ней – сцена, в которой драматизм достигает истинного апогея (56-я):

Шапку нахлобучил,
Волосы откинул.
«Что ж, иди. До встречи!»
«Жди меня. Счастливо!»
«Сердце сжало грустью».
«Свидимся – поверь мне».

В песне 57-й следует обещание вернуться в будущем рождении из Литана (а именно там появился на свет Седьмой Далай-лама) и в 58-й – мольба о том, чтобы следующая жизнь оказалась более гармоничной, чем эта. Таким образом,

¹⁴ S. rensen P. Divinity Secularized... С. 235.

сборник оканчивается предчувствием смерти и предвидением будущего рождения.

Обратимся теперь в начало и посмотрим, не удастся ли там обнаружить указание на юные годы Цаньянг Гьяцо. Ключевым выражением в первой песне сборника является загадочное тибетское «*ma-skye a-ma*». Обычно переводчики истолковывали его как указание на юную девушку (девственницу), возможно, порождённую фантазией, нереальную, подчёркивая, впрочем, что это только предположение. Никто не находил здесь указание на мать героя («*a-ma*» – по-тибетски «мать»), что, в общем, неудивительно, учитывая контекст творчества Цаньянг Гьяцо. Тем не менее именно такое толкование данного выражения может оказаться наиболее плодотворным. По крайней мере, именно так оно было объяснено носителем тибетской народной культуры – Чжампа Намдолом, молодым тибетцем, который в течение нескольких лет работал в Тибетском фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. В частном разговоре он уверенно перевёл данную лексему как «родная мама, матушка», объясняя первую часть слова как «маркье» (*ma(r)-skyes*), то есть буквально «родившая снизу», стало быть – родная, родимая. Таким образом, первую песню можно перевести следующим образом:

Диск луны поднялся
Из-за гор восточных.
В мыслях закружился
Мама милый образ.

Если первая песня относится к рождению героя, то вторую можно отнести к этапу его взросления¹⁵:

Нежные побеги
Жёстким стали сеном.
Гнётся лука туже
Юноша, взрослея.

Дальнейшее расположение материала в сборнике труднее поддаётся выстраиванию в единую сюжетную линию. Предложенный ниже вариант является схематическим и допускает последующие дополнения и уточнения.

Итак, образы зелёных ростков, превращающихся в твёрдые соломинки, и юного тела, становящегося тугим, точно южный лук, иллюстрируют превращение мальчика, отрока, во взрослого юношу, мужа. Это превращение, естественно, приводит к появлению новых, чувственных желаний, что от-

¹⁵ Ключ к такому пониманию этой песни был дан П. Сёренсеном (S gensen P. Divinity Secularized... С. 50–51), который, впрочем, предпочёл традиционную трактовку песни в русле буддийских представлений о преходящей сущности всех вещей.

ражено в группе песен, посвящённых первым робким мечтаниям о любви, обладании любимой девушкой. Так могут быть истолкованы тексты 3–6-й, причём в пятой песне эта девушка недвусмысленно названа дочерью сановника, в котором можно увидеть всеильного регента Сангье Гьяцо:

Дивна дочь вельможи –
Персику подобна,
Что в ветвях высоких
Налился красюю.

Вполне возможно, что, с детства зная дочь своего покровителя, Цаньянг Гьяцо впервые влюбился именно в неё. Впрочем, уже здесь появляются трагические ноты, ибо юноша понимает, что в той судьбе, которая ему предначертана, этой страсти не должно быть места. В конечном счёте любовь уходит, оставляя в сердце героя не более чем лёгкую грусть. Такая картина рисуется воображению при чтении песен 7–9-й (возможно, также 10-й):

Все цветы увяли,
Но не грустно пчёлам:
Если страсть иссякла,
Нет причин для боли.

Однако, оставив помыслы о недавней возлюбленной, юноша находит выход своим чувствам в других, более доступных объектах. И далее перед

нами разворачиваются истории его многочисленных любовных увлечений. Сначала мы становимся свидетелями встречи с простолюдинкой, юной торговкой, контакт с которой, однако, был кратковременным (песня 11-я). Но вот в песне 12-й влюблённый герой уже устанавливает молитвенный флаг в надежде обрести девушку, которую он любит до такой степени, что облик её неизменно присутствует в его сердце (песня 13-я). Из песен 15–16-й следует, что эта любовь Цаньянг Гьяцо была направлена к девушке образованной, склоняющейся к принятию монашества:

Коль склонится к Дхарме
Та, что сердцу любя,
То и я отправлюсь
В горы – прочь отсюда.

Данная тема, однако, инициирует размышления поэта о его официальном положении. Эти тексты (17–19-й) трагичны, так как в них отражается невозможность совместить мирские устремления с постижением буддийского Учения:

Лик ламы напрасно
Представлять пытаюсь,
А любимой образ
В сердце ясный-ясный.

Далее, в песнях 21–23-й перед нами предстаёт новый сюжет, повествующий о любовном романе с некоей девушкой из благородной семьи. Он вновь перебивается раздумьями о религиозном долге (песни 24–25-я), но любовь оказывается сильнее. И здесь мы приближаемся к переломному моменту сборника. После песен 26–27-й, в которых герой просит возлюбленную убедить его в неизменности своей любви, следует песня 28-я:

Точно птица с камнем,
Встретились мы с милой.
От долгов спасёшь нас,
Мать – торговка пивом?

Здесь можно увидеть намёк на рождение ребёнка у Цаньянг Гьяцо и его возлюбленной: по указанию П. Сёренсена слово «долг» следует истолковывать как указание на последствия любовной связи, т. е. беременность¹⁶. По легенде, у Цаньянг Гьяцо родился сын, после чего тайная возлюбленная его вместе с ребёнком были заключены в тюрьму¹⁷. Возможно, именно поэтому в песне 30-й говорится о том, что слухи о некоем

¹⁶ S rensen P. Divinity Secularized... С. 163. Сёренсен отмечает также каламбур в использовании слова «bu-lon», «долг», которое содержит как компонент слово «bu», т. е. «сын» (Ibid.).

¹⁷ См.: Norbu Th. J., Turnbull C. M. Tibet. London, 1969. С. 290.

секрете героя дошли до его врагов, и затем разворачивается история похищения у него любимой им женщины (песни 30–33-я). В полных трагизма строках поэт делится своими жестокими терзаниями по поводу этой потери:

Та, что мной любима,
Отдана другому:
Как болезнью, тело
Иссушилось горем.

Но затем последовали новые увлечения, хотя и не столь глубокие. В песнях 34–37-й говорится о быстротечности женской любви и невозможности удержать около себя женщину, страсть которой остыла. Печаль усугубляется и внешним давлением со стороны покровителя Цаньянг Гьяцо – всевластного регента. Бессилие перед обстоятельствами – таков лейтмотив песен 38–40-й:

Скалы с ветром грифу
Крылья истрепали.
Я ж совсем измотан
Хитростью, обманом.

Следует признать, что песни 41–49-я (так же, как отдельные песни в предыдущей части сборника) не вполне соответствуют биографическому контексту. Если песни 41–44-я имеют явное тематическое единство, развивая, условно выража-

ясь, астрологическую тему, то последующие несколько песен (45–49-я) представляются обособленными друг от друга. Здесь религиозная тематика (45, 47-я) сменяется явно светскими мотивами (46, 48, 49-я). Этот перебой сравнительно невелик и может быть вызван различными причинами. Едва ли он может рассматриваться как серьёзное препятствие для толкования сборника как жизнеописания Цаньянг Гьяцо.

Возможно, к выделенному выше блоку из семи песен (52–58-я), заключающих в себе драматическую развязку, следует добавить также песни 50–51. Во всяком случае, образ попугая в песне 50-й, к которому обращается герой с просьбой не выдавать его секрета, выполняет ту же функцию, что и образ пса в песне 52-й. Таким образом, в песне 51-й, возможно, содержится характеристика последней возлюбленной поэта:

Среди лхасцев люди
Из Чонгье¹⁸ заметны:
Как моя подруга –
Лучше всех на свете.

К ней уходит Цаньянг Гьяцо в ночь, оставляя следы на снегу, которые выдадут его тайну, с ней

¹⁸ Чонгье – название местности, в которой располагалась древняя столица Тибета.

он прощается, обещая вернуться, но возвращение это состоится уже не в этой жизни, а в следующей, и сборник заканчивается мольбой:

О зеркало кармы,
Что в аду у Ямы!
Дай в грядущей жизни
То, что здесь не дало!

На этих строках заканчивается текст ксилографа. В то же время научная традиция изучения творчества Цаньянг Гьяцо обычно относит к сборнику ещё восемь песен (размывая тем самым его границы). Эти песни похожи по стилю на те тексты, которые входят в сборник, поэтому в данном издании они составляют приложение к основному корпусу песен.

Говоря о «Жизнеописании Цаньянг Гьяцо», следует понимать: у нас нет твёрдой уверенности в том, что все песни принадлежат Шестому Далай-ламе, поскольку в названии автор не указан, а колофон¹⁹ отсутствует вовсе. Приписывание авторства Цаньянг Гьяцо есть не более чем следование традиции, хотя у нас и нет серьёзных основа-

¹⁹ Колофон – завершающая часть традиционных тибетских текстов, в которой может содержаться информация о названии, авторе, переводчике и редакторе (в переводных текстах), месте и обстоятельствах сочинения или перевода текста.

ний сомневаться в том, что основная часть сборника принадлежит ему. Однако включение тех или иных песен в состав сборника зависело исключительно от воли его неизвестного составителя, время жизни которого, видимо, не должно было далеко отстоять от периода правления Цаньянг Гьяцо²⁰.

В заключение следует сказать несколько слов о переводах произведений Цаньянг Гьяцо на русский язык. В сравнении с количеством переводов на английский язык²¹ отечественных переводов относительно немного. Впервые отдельные песни были переведены полвека назад А. Клещенко (с китайского языка и достаточно вольно)²². Затем несколько переводов с английского и китайского были представлены Е. И. Кычановым²³. Л. С. Савицкий в своей монографии представил подстрочный перевод 66 песен. Отдельные переводы с тибетского, также тяготеющие

²⁰ По указанию В. Д. Шакабпы песня 54-я была сочинена лхасскими куртизанками (Шакабпа В. Д., Цепон. Тибет: политическая история. Пер. с англ. СПб.: «Нартанг», 2003). Неясно, впрочем, на чём основывается это утверждение.

²¹ На английский язык песни Цаньянг Гьяцо переводили С. Ч. Дас, Юй Даоцюань, М. Дункан, М. Татц, П. Сёрсенен и другие (полный список переводов на 1990 г. см. в кн.: S rensen P. Divinity Secularized... С. 9–10).

²² Тибетские народные песни / Пер. с китайского А. Клещенко. М.: Издательство художественной литературы, 1958.

²³ Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны снегов.

к подстрочнику, были выполнены В. С. Дылыковой²⁴. Сравнительно недавно вышло стихотворное переложение В. Н. Бойкова, впрочем, неудачное²⁵. Кроме того, имеется перевод Т. Малановой, с которым я не имел возможности ознакомиться.

Представленный в этой книге перевод был выполнен мною в течение 2002–2005 гг. и впервые опубликован в журнале «Звезда» в декабре 2005 г.²⁶ Он осуществлён с ксилографа, опубликованного Л. С. Савицким, с учётом критического издания и комментариев П. Сёренсена. Принцип моего перевода состоит в максимально полной передаче особенностей тибетского поэтического текста. Так, в нём выдержаны шестисложный размер и трохеический ритм (во всяком случае, в зачине). Отсутствие рифмы и обилие ассонансов, свойственных тибетской поэзии, передаются неточной или небогатой рифмой, так как полное отсутствие рифмы в русском тексте в рамках не-

больших четверостиший сделало бы его чрезмерно упрощённым²⁷.

Я хотел бы поблагодарить М. А. Рогачёву за помощь в редакции текста. Неоценимую помощь на конечной стадии работы над переводом оказал д. ф. н., проф. Л. Н. Меньшиков, памяти которого я посвящаю эту книгу.

А. В. Зорин

²⁴ Дылыкова В. С. Тибетская литература. Краткий очерк. М.: «Наука», ГРВЛ, 1985.

²⁵ Цаньян Чжамцо. Слуху приятные строфы. Лирика VI Далай-ламы (1683–1706) / Русская версификация В. Н. Бойкова. М.: «Друза», 1998; Второе издание. Новосибирск: «Свинья и сыновья», 2006.

²⁶ Жизнеописание Цаньян Гьяцо, составленное из стихотворных отрывков / Перевод с тибетского, вступительная заметка, примечания // «Звезда», 2005/12. С. 117–120.

²⁷ Более подробно о стилистике песен Шестого Далай-ламы см. в кн.: Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха...

Серия «Самадхи»
Научно-популярное издание

ПЕСНИ ШЕСТОГО ДАЛАЙ-ЛАМЫ

**Жизнеописание Цаньянг Гьяцо,
составленное из стихотворных отрывков**

Перевод с тибетского,
предисловие и приложение *А. В. Зорина*

Редактор серии «Самадхи» *Александр А. Нариньяни*

Корректоры *О. Соколова, И. Москаленко*

Оригинал-макет *Е. Ниверт*

Дизайн переплёта *А. Ипатьевой*

ООО «Открытый Мир»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 18, стр. 1
Тел.: +7 495 789 82 31
Наш электронный адрес: samadhi@ombooks.ru

Подписано в печать 24.06.2007. Формат 70×100^{1/2}.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,03.
Тираж 3000 экз. Заказ № 470.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru